

Мирко Вишке

**СЛАБОСТЬ ЯЗЫКА. АДОРНО О ЯЗЫКЕ И
ФИКТИВНОСТИ ПОЛНОЦЕННОЙ ВОЗМОЖНОСТИ
ВЫРАЖЕНИЯ МЫСЛИ**

(перевод с немецкого *О. Корольковой*)

Почему автор должен препятствовать читателю, когда тот хочет заглянуть в сам ход его мыслей? Что мешает автору выстраивать свои рассуждения в определенной мере с оглядкой на читателя? Разве он не хочет быть понят своим читателем? Эти тривиальные вопросы очевидно провоцирует критика, которой Адорно подвергает требование к писателю делать сочинения максимально ясными, то есть такими, чтобы читатель был в состоянии непосредственно мысленно проследить ход рассуждений автора. Какие соображения подвинули Адорно к тому, чтобы не только оспаривать саму правомочность такого требования к автору, но и назвать ее ложным принципом выражения, исходящим из «фиктивности [...] выразительных возможностей каждой отдельной мысли»? Существуют ли мысли, которые не могут быть выражены?

1. Понятие и познание

Если считать сутью языка способы общественного высказывания, как это следует из *Minima Moralia*, то рассуждения Адорно о фиктивности возможности выразить каждую отдельную мысль можно было бы понять так: следует дистанцироваться от банальной практики словоупотребления, с которой связано повседневное общение, чтобы избежать опасности лишиться сложные ходы мысли их остроты и самой сущности. «Тексты, [...] в которых боязливо прослежен каждый шаг, неизбежно скатываются к банальности» – таков вывод Адорно [2, s. 99].

При первом чтении этих строк создается впечатление, что суждение Адорно о мыслях исходит из того, что в каждом случае обсуждаемое положение вещей требует соответствующего типичного языкового изображения. Вызовы, предъявляемые при этом писателю, можно измерить тем, что тот смысл слов, который они приобрели в процессе обычной языковой практики, является материалом писателя, и писатель привязан к этому материалу, пытаясь сформулировать ему самому еще не совсем ясный опыт. Словоупотребление представляет процесс повседневной донаучной жизненной практики, на который писатель должен ссылаться, если хочет быть понятым. Если он дистанцируется от этой практики, он уменьшает риск переполнить мастерскую своей мысли узкими и искаженными обиходными языковыми формами. Но отказ от них имеет и свою цену – это непонимание.

То, в какой мере указание Адорно на необходимость дистанции

обусловлено выразительными возможностями мысли, становится ясным, когда он подчеркивает, что препятствие, мешающее мыслям получить свое выражение посредством языка, связано не столько с произволом человеческих субъектов, который стоит на пути адекватного определения положения вещей, сколько с тем обстоятельством, что полное познание вещей в языке видимо вообще невозможно. Именно в этом смысле Адорно утверждает, что «утопия познания» заключена в стремлении «раскрыть непонятное в понятиях» [3, с. 21].

Имея в виду поставленный нами изначально вопрос, можно ли понимать это утверждение в том смысле, что мысли вообще непередаваемы, так как слова не могут в должной мере охватить то, что они должны выразить? Об этом свидетельствует указание на непонятное в понятии, которое ускользает от возможностей понятийных представлений и может быть определено лишь негативно как нечто, вынесенное за понятие и лежащее за пределами понятийно доступного и познанного. Но если между словом и подразумеваемым смыслом не существует точного соответствия, остается все же неясным, как посредством понятий можно опознать то, что непонятно по своей природе.

Утверждение Адорно о том, что понятие гипостазирует собственную форму в противовес смыслу, заставляет вспомнить не только о наблюдении Гегеля относительно зафиксированного в рефлексии противопоставления понятия и значения как для себя существующих сфер, но и о понимании Платоном внутренней коммуникативной тенденции, благодаря которой слово, понятие, рассуждение и наглядность стремятся получить собственное значение, вместо того, чтобы исчезнуть за обозначаемым ими. Платон называет это слабостью языка (Logoi): попытки слов как бы выдвинуться вперед перед тем, что явлено в них самих. Слово, понятие, рассуждение и наглядность склонны делать себя значимыми как нечто такое, что существует для себя, поскольку они также обладают сущностью для самих себя, отличающей их от того, что они представляют как явление. Из этой дифференции не только Платону, но и Адорно становится ясно, почему понятийные возможности познания отнюдь не сводятся к тому, чтобы обеспечить доступ к вещам таким, как они есть на самом деле.

II. Язык и мышление

Хотя ни перспективизм, ни другие начала философии Ницше не находят признания у Адорно, ему все же не чужды размышления Ницше в той мере, в какой он, с точки зрения критики познания, оспаривает возможность нахождения вне языковой практики основания, базируясь на котором можно было бы избежать любых языковых искажений и

воспринимать вещи такими, какими они есть на самом деле. Размышления Адорно близки соображениям Ницше и в моменте, где Ницше указывает на то, что лишь язык может обеспечить людям доступ к окружающему их миру и таким образом является необходимым для человеческого существования. Адорно так же исходит из того, что язык должен быть понят как инструмент мышления, а понятия указывают на непонятное, к которому у нас нет настоящего доступа. Но ницшевский перспективизм недостаточен Адорно для того, чтобы объяснить, как понятия могут быть связаны со смыслами, если они согласуются с вещами весьма проблематичным образом. Адорно не удовлетворяется этим фактом, в котором для него важен не только негативный аспект, но и открывает, что понятия, выражая непонятное, подразумевают нечто над и вне самих себя.

Таким образом становится понятно, почему Адорно, видимо противореча своей критике требований выразительности мысли, утверждает, что писатель, в той мере, в какой он стремится быть более точным, чтобы стереть различие между вещью и ее выражением, вынужден делать для себя неприятное открытие: результат его литературных усилий оказывается малопонятным. Но можно ли вообще уничтожить это различие? Как язык может достигнуть мысли, если язык диктует мысли свои условия и таким образом препятствует легитимации мысли, если вообще не перекрывает ей дорогу и не делает эту легитимацию в принципе невозможной?

Исходя из предположения, что любое познание есть познание через понятие, но не является познанием вещей, Кант, как известно, сделал оговорку, что понятия никогда непосредственно не относятся к предметам. Гегель соглашается с Кантом не только в том, что понятия конституируют свою собственную реальность. В «Феноменологии духа» он радикализирует это понимание до предположения, что в конечном счете «совершенно невозможно выразить в словах то чувственное бытие, о котором мы думаем» [5, s. 85], поскольку понятие существует в чем-то другом, а не в чувственной реальности.

До тех пор пока Адорно утверждает, что язык, вследствие его всеобщности, нивелирует выражаемое до уровня уже заранее данного и известного, пока он определяет неидентичное как «отличное, дифференцированное от всеобщего» [4, s. 27], он вполне в согласии с предположением Гегеля. При этом Адорно не скован гегелевским тезисом, что вообще не помысленное выражает себя в языковой репрезентации как непосредственное чувственное бытие, а лишь единичное высказывается в форме всеобщего. Ницше и Гадамер в своих рассуждениях о языке расстаются с онтологией наличного, приходя к убеждению, что существование слова не должно отождествляться с

существованием обозначаемого явления. Так же и Адорно придерживается мнения, что использование языка не тождественно тому, что собственно и должно быть высказано на этом языке: тому непонятному, выживающему в понятии благодаря своему значению, на котором и основана возможность понятности непонятного. В отличие от Гадамера, для которого вопрос о том, насколько близко или далеко отстоят друг от друга вещи и язык, не является собственно проблемой, а также в отличие от Ницше, для которого в конечном итоге самым важным является прагматический аспект языка, для Адорно язык приобретает настоящее познавательное значение, даже если, с его точки зрения, существование слова не раскрывается в его значении. Ведь обозначаемое – доязыковое – выражается в языке лишь односторонне, фрагментарно, рудиментарно и искаженно.

То, что Ницше считает антропологически непреодолимым злом, Адорно обращает в вопрос о возможностях разрушения языковых ограничений посредством самого языка. Поэтому в поле зрения Адорно попадает как раз то, что опровергает видимую идентичность понятия и вещи: то, что не высказано в языке, хотя и предшествует ему и имеет к языку прямое отношение – неязыковое, непонятное, неидентичное. Вопрос состоит в том, каким же образом могут соединиться посредством языка вещи и высказывание, если принципом языка должно быть обособление от высказываемого. В исследуемом мною отрывке из *Minima Moralia* это конкретизируется так: как может быть постигнута истина не подлежащего выражению неязыкового или непонятного, если сама форма познания имеет понятийно-языковую природу?

Возможно, ответ на этот вопрос мог бы быть найден в утверждении Адорно о внутренней трансцендентности понятия, которая присуща ему в связи с непонятностью. Но как же может быть изображено в понятии нечто, к чему это понятие относится, без собственных изобразительных средств? Предварительный ответ гласит: с помощью изображения, которое является не репрезентацией в смысле когнитивного представления, а собственной формой, порождающей нечто, в чем принимают участие как автор, так и читатель. Неясно пока только, каким критериям должно удовлетворять изображение, чтобы быть в состоянии трансформировать непонятное в понятное. Можно поставить вопрос и так: как можно преодолеть слабость понятия, которая заключается в его стремлении поставить себя перед тем, что оно должно выразить? Как понятие и вещь могут минимизировать свое различие, не отбрасывая его все же окончательно?

III. Изображение и риторика

Вплетенные в соответствующий изобразительный язык понятия

как бы конденсируются, группируясь в конstellации, чтобы обнаружить то, что скрывают понятийные схемы. Только изображение в форме подобных понятийных конstellаций репрезентирует то, что же материал и “понятие изъяли из внутреннего содержания”, то есть “излишек” [3, s. 164] понятия. То обстоятельство, что изображение конstellации служит интенции понятия полностью выразить помысленное, Адорно сводит к утверждению, что понятия, «объединяясь [...] вокруг вещей, подлежащих познанию», мысленно достигают того, что понятийное «мышление неизбежно изгоняет из себя» [3, s. 165]. Открытым остается вопрос, как же мыслится возврат понятия к языку. Очевидно, Адорно, соединяя язык и изображение, считает, что те условия, в которых форма конstellации воспроизводит понятия, чтобы сконцентрировать их вокруг определенной вещи, и могут быть названы языком. Понятия, сфокусированные в изменчивых группировках вокруг определенных вещей и обстоятельств, должны вернуть себе ту языковую многозначность, которую, будучи высказаны, они имели в языковом акте.

Однако, вторичное использование языковой многозначности есть лишь первый шаг. В приближении к произносимому слову понятие должно не только вновь достичь многозначности, которая уменьшает значение определенных языковых пассажей в соответствующей речи; должен быть вскрыт также и понятийный принцип идентификации, чтобы обнаружить непонятный смысл понятия, который позволяет форме конstellации прийти к предварительному изображению.

Воссоединение понятий в языке, воспоминание о языковой форме понятий есть попытка сделать полезным для написанного слова миметический потенциал языка, моменты его непонятной выразительности, объективированные в изображении. Являясь переделкой и преобразованием предшествующих форм языковой выразительности, ликвидируя данные заранее взаимосвязи смыслов и формы взаимосвязи слов, изображение должно исчерпать смысловое многообразие отдельных языковых элементов и тем самым привести понятия к высказыванию, чтобы сымитировать «язык вещей» [1, s. 96] и таким образом сымитировать «творческий акт», в процессе которого понятия получают свое значение.

Изображение есть высказывание нового сопоставления понятий с целью их освобождения от жестких смысловых взаимосвязей. В «Эстетической теории» Адорно утверждает, что высказывание есть «противник чего-либо высказанного», поскольку его «языковой характер» отличается от «коммуникативного языка», и отличие это именно в «миметическом акте» языка [1, s. 171]. В этом указании мы находим новый ответ на первоначально поставленный вопрос, почему Адорно считает фикцией возможность выражения конкретной определенной мысли. То,

насколько изображение, стремящееся к выражению, а следовательно, и к передаче мысли, вообще уязвимо со стороны различий вещи и высказывания о ней, Адорно ставит в зависимость от вторичного использования слова и его участия в языковом акте, чего лишен «устный язык», поскольку он реализуется в форме взаимосвязей значений, в структурах предложений и смысловых комплексах.

То, что понятия или слова, разворачиваясь в собственном существовании, вновь обретают многое, заложенное в них в момент их создания, является утверждением амбивалентным. Ведь высказывание противоположно понятию не по причине того, что оно еще не освободилось от языкового процесса; в подобном процессе высказывание в большей степени возвращает понятие к тому, что и было в нем зашифровано, и происходит это именно с помощью пластического, поливалентного и многозначного, которое взламывает сигнификативность «коммуникативного» языка и таким образом делает его невыразительным, или, точнее говоря, частично невыразительным. Ибо миметический художественный язык создается не столько через полное отрицание традиционного общепринятого языка, сколько через постепенное отклонение от привычных взаимосвязей.

Так высказывание в своей языковой форме может быть характеризовано прежде всего только негативно, то есть в его отличии от общепринятого словесного облика. При этом оно включает в себя деструкцию смысла изображенного, то есть разрыв с заранее заданным представлением о форме и смысле изображенного; именно через эту деструкцию изображение и должно достигнуть трансцендентности. Такой метод позволяет мысли избежать невыразимости. В современном искусстве, например, художественное изображение находит отклик, но не понимание, поскольку оно нацеливает язык не на другого, а напротив, утверждает форму как нечто, чему (привычное) содержание кажется противоположным. Как ни убедительно выглядят указания Адорно на то, что парадоксальность и противоречивость формы свидетельствует о возможности дешифровки понятий, серьезные трудности возникают тогда, когда во внимание принято следующее обстоятельство: высказывание об изображаемом может означать нечто только тогда, когда сообщение будет услышано и выслушано.

В данном случае мы вновь оказались бы перед нашим исходным вопросом: существуют ли мысли, которые не могут быть выражены? На самом деле кажется, что Адорно допускает существование непосредственных мыслей, во всяком случае, в том смысле, что автор не властен убедительно передать свои мысли другим. Согласно Адорно, изображение, будучи формой реализации согласованности риторики, высказывания, языка и констелляции, преодолевает это затруднительное

положение в той мере, в какой «убедительность коммуникации» является сама по себе целью изображения. Убедительность зависит от «преодолевающих возможностей» конструкции изображения.

Подобная формулировка вызывает в памяти критику, толкующую определение риторики как искусства убеждения в том смысле, что слушатель, побежденный речевым потоком оратора и ослепленный блестящим изложением, не получает ясного представления о сказанном. Создается впечатление, что Адорно принимает эту трактовку, когда он дает понять, что изображение должно убеждать читателя и интерпретатора. Цель этого – привлечь его к участию в языковом акте, от которого он чувствует себя отторгнутым из-за отрыва изображения от «коммуникативного» языка и от языковой герметичной интровертности изображения. Согласно рассуждениям Адорно, никогда окончательно не реализуемое стремление риторики сделать что-либо правдоподобным проистекает в меньшей степени из простого убеждения, чем из дилеммы отречения от «коммуникативного» языка и невозможности полностью от него отказаться. Адорно поддерживает традиционное представление о риторике, но делает это таким образом, что риторика, при всей ее видимой слабости, демонстрирует и свою собственную силу: посылка, что практика хорошо оформленных слов и искусства языковых сообщений, которые служат уговариванию или убеждению слушателя, судящего о представленном положении вещей, не имеет ничего общего с вопросом об истинности, предоставляет Адорно методическую возможность, подвергнуть сомнению мнимые общие истины мира вечного инструментального разума.

Тем не менее, это лишь критико-идеологический аспект реактуализации риторики со стороны Адорно, систематические связи здесь значительно сложнее. Обращение Адорно к риторике не предполагает альтернативного выбора ни по отношению к возможной точке зрения, ни по отношению к пониманию, которого нет. Именно в этом смысле и следует понимать в конце концов высказывания Адорно по поводу невыразимой мысли. Возвращение многозначности слов и нарушение понятийного принципа идентификации могут быть лишь прояснены с помощью изображения, но доказаны они быть не могут. В этом и заключается глубокая недостаточность, которая не может обойтись без помощи риторического искусства убеждения.

Риторическая техника превращения языка в ассоциативную «последовательность», чьи элементы связываются иначе, чем в простом соотношении утверждаемого и известного, корригирует иллюзию, что субъект может создать для себя картину мира вне языка. В напрасных поисках соответствующих слов субъект приходит к опыту, что при изменении языка изменяется и он сам. В этом смысле Адорно

подчеркивает, что мыслящий превращает себя в арену некоего духовного опыта. Дать себе отчет в этом опыте можно лишь с определенными пробелами: с «пробелами» – а именно так озаглавлен рассматриваемый мною отрывок из *Minima Moralia*, – которые возникают не из субъективного непостоянства мысли, а проистекают из того, что выражающий себя субъект заблуждается в релевантности языка, остающейся скрытой от него.

1. Adorno T. W. *Ästhetische Theorie*.– Frankfurt/M., 1973.
2. Adorno T. W. *Minima Moralia*.– Frankfurt/M., 1989.
3. Adorno T. W. *Negative Dialektik*.– Frankfurt/M., 1982.
4. Adorno T. W. *Zur Metakritik der Erkenntnistheorie*.– Frankfurt/M., 1990.
5. Hegel. *Phänomenologie des Geistes*.– Frankfurt/M., 1973.